

Е Вэньбо невольно усмехнулся. Старик не хотел признавать поражение и пытался отделаться шуткой. Что ж. Он начал собирать шахматные фигуры в коробку, когда звуки с улицы стали приближаться к их двору. Даже Е Цзы и Ван Шуцзе, которые занимались в комнате, услышали шум и вышли наружу. Е Цзы спросил:

— Дедушка, кто там шумит?

Ван Шуцзе вдруг вспомнил историю с Е Дуном и, понизив голос, шепнул на ухо Е Цзы:

— Может, это твоя тётя вернулась и устроила скандал?

— Пойдём посмотрим.

Е Цзы насторожился. Это вполне могло быть правдой, и он поспешил выйти.

Когда Е Цзы вышел, толпа уже подошла к воротам их двора. Ван Синцзюнь преграждал путь, крича на рыдающую Ван Гуйлань:

— Жена старшего Е, чем твой свёкор за эти годы провинился перед тобой и Е Фэнем? Ты не считаешься ни со стариком, ни с ребёнком, а теперь прибежала сюда скандалить? Где Е Фэнь? Пусть скорее забирает свою жену домой!

Из толпы вышел мрачный Е Фэнь и попытался увести Ван Гуйлань, но та оказалась упрямой. Она начала царапать и бить своего мужа, даже дала ему две пощёчины, рыдая:

— Если бы ты, как отец, не был таким никчёмным, нашего сына не обижали бы на стороне! Ты не можешь спасти сына, но и мне не позволяешь искать помощи. Я проклинаю тот день, когда вышла за тебя, неудачника! Если сын не вернётся, я с тобой не закончу!

В разгар скандала Е Вэньбо вышел наружу и, увидев эту сцену, строго сказал:

— Хватит! Если хотите скандалить, идите домой. Если считаешь его никчёмным — разводишься. Если не хочешь — живите спокойно!

Ван Гуйлань взревела:

— Семья Е издевается надо мной! Я, Ван Гуйлань, столько лет страдала, выйдя замуж в семью Е, а теперь меня ещё и унижают. Скажите, разве это справедливо? Семья Е считает, что у Ван никого нет, что ли?

Многие деревенские вышли посмотреть на это зрелище, но эти слова восприняли как шутку. Старый староста подошёл из толпы и рассказал Е Вэньбо, в чём дело. Е Вэньбо нахмурился. Е Дун действительно попал в беду. С его характером это было ожидаемо. Но раньше, стоило ему лишь упомянуть пару слов, как невестка начинала скандалить. Она даже приводила своих родственников, чтобы устроить драку. Хорошо, что деревенские помогали, иначе ему с внуком жить было бы нелегко.

Едва староста закончил, Ван Гуйлань начала рыдать:

— Дедушка, ты не можешь бросить Сяодуна! Он ведь твой старший внук. Ты же знаешь, какой он человек, он не мог устроить скандал. Это всё эти негодяи на него наговаривают...

Ван Гуйлань говорила невнятно, и деревенские знали только, что Е Дун устроил драку в уезде и был арестован полицией. Это было большим позором для деревни, но только Ван Гуйлань

могла так нагло всё раздувать, делая это достоянием всей деревни, и при этом ещё и хвалить своего сына, словно все обвинения были надуманными.

Е Вэньбо с досадой прервал её:

— Целый год он не называл меня дедушкой, а теперь вдруг вспомнил, что я его дед. Если Сяодуна действительно оклеветали, власти его отпустят. Зачем ты сюда пришла скандалить? Или ты думаешь, что я, старик, могу приказать полиции его освободить?

— Хватит позориться, иди домой.

Е Фэнь даже не посмел поднять глаза на отца и снова попытался увести жену.

Ван Гуйлань плюнула в него и продолжала кричать Е Вэньбо:

— Е Цзы ведь знаком с важными людьми в городе, не так ли? Недавно он даже приезжал на машине. Е Цзы, помоги своей тёте и двоюродному брату. Когда Сяодун выйдет, он тебя отблагодарит.

Е Цзы едва не рассмеялся. Деревенские тоже были поражены логикой Ван Гуйлань. Из-за одной машины, приехавшей к ним домой, она решила, что Е Цзы знаком с важными людьми, и просит его помочь спасти её сына. Ван Гуйлань была просто невероятной.

— Какая же это шутка! Разве из-за одной машины можно считать человека важным? Этот человек приехал из другого места, он не из нашего уезда. И ты просто так просишь его спасти твоего сына? Почему ты не пойдёшь к самому уездному начальнику и не попросишь его освободить сына? Ты ведь часто видишь его по телевизору.

Старик Ван тоже рассмеялся. Какая же наглость нужна, чтобы произнести такие бесстыдные слова.

— Точно, Ван Гуйлань, ты ведь всегда говорила, что твой сын знаком с важными людьми и зарабатывает много денег. Почему ты не попросишь их? Е Цзы ведь ещё школьник, какой у него может быть авторитет в полиции.

Бабушка Ван, услышав шум, подошла и громко сказала. Она относилась к Е Цзы как к своему внуку и особенно не терпела, когда Ван Гуйлань беспричинно донимала семью Е.

— Тётя, — вышел Е Цзы, — если бы я действительно был знаком с важными людьми, дедушкин магазин в посёлке не был бы закрыт из-за вашего семейства. Проси лучше своих родственников.

Он действительно был знаком с важным человеком, но зачем ему помогать тому, кто недавно хотел устроить ему неприятности? Он даже рад, что его закрыли на несколько дней, а лучше бы на несколько лет, чтобы тётя перестала скандалить.

— Е Цзы, иди заниматься, не обращай внимания на тётю. Это не дело для ребёнка.

Е Вэньбо не хотел, чтобы внук вмешивался в такие дела. Споры с невесткой только унижали его.

— Дедушка, ты плохо себя чувствуешь, ляг пораньше, иначе ночью опять начнёшь кашлять.

Е Цзы с тревогой напомнил. Он сказал это достаточно громко, чтобы деревенские услышали. В

сравнении с этим семья Е Фэня выглядела совсем бесстыдной. Как Ван Гуйлань ещё могла хвалить своего сына?

— Шуцзе, отведи Е Цзы обратно.

Ван Синцзюнь тоже позвал внука.

Е Цзы вернулся, но не зашёл в дом, а остался во дворе, прислушиваясь к звукам снаружи. Он боялся, что тётя, не задумываясь, набросится на дедушку. Для неё Е Дун был всем, и именно её попустительство привело его к такому состоянию.

— Как ты думаешь, что такого натворил Е Дун, что его мать пришла сюда скандалить? Хорошо, что она не знает о том...

Ван Шуцзе указал пальцем в сторону уезда. Мать Е Дуна случайно угадала — к Е-цзы действительно приезжал важный человек. Двоюродный брат того самого Тан Линцю — заместитель главы уезда Се. Но зачем Е-цзы ради двоюродного брата, который всегда его обижал, должен был влезать в долги перед таким человеком? В конце концов, он не получил бы ничего хорошего, а эта семья могла бы только прилипнуть к нему.

Поэтому, хотя Ван Шуцзе и гордился тем, что его друг знаком с таким человеком, он никогда не говорил об этом вслух, боясь таких, как мать Е Дуна.

Е Цзы с холодным взглядом посмотрел за ворота:

— Она переживает за сына и поэтому давит на меня и дедушку. Если у нас есть способ помочь, она добьётся своего, если нет — вытянет из дедушки несколько денег. Её цели я знаю слишком хорошо. Она просто не может жить, не вытянув из кого-то выгоду.

Кроме того, в тот день Тан Линцю приехал на машине заместителя главы уезда Се. Хорошо, что деревенские не обратили внимания на номер, иначе его бы точно зацепила тётя. Тогда некоторые деревенские могли бы подумать, что он, Е Цзы, холодный и равнодушный, раз не помог своему двоюродному брату, ведь, как они считают, Е Дун всё же член семьи, и кровь гуще воды.

Снаружи скандал продолжался ещё минут десять, пока Е Фэнь не увёл Ван Гуйлань. Старый староста сыграл большую роль, напомнив ей о прошлом и спросив, как она заботилась о старике все эти годы. Он сказал, что это деревня Таоюань, а не склон Ванцзя, и методы семьи Ван здесь не работают.

Нельзя было просто так издеваться над людьми в деревне Таоюань только потому, что семья Ван многочисленна.

Когда староста упомянул семью Ван, жители деревни Таоюань стали ещё больше недолюбливать Ван Гуйлань. Все говорили, что Е Дун с детства воровал и не раскаивался, и он заслужил этот урок.